

Василий Аксёнов

ПЛАМЯ,
ИЛИ ПОСЕЩЕНИЕ
ОДИННАДЦАТОЕ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Памяти А. И.

Мне совсем не нужен револьвер,
чтобы вами управлять, мистер Траут.
Мне достаточно написать про вас
что угодно – и готово!

*Курт Воннегут.
Завтрак для чемпиона*

– Верни мне молодость, верни
молодость! Верни мне молодость!

Килгор Траут

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Это – студентки. ЛИСИ.

Восемнадцать-девятнадцать лет. Не всем. Одна постарше. Незначительно. Взрослые. Самостоятельные. Без пап, без мам, без нянек. Без удобств. Но по их виду и не скажешь, что умучены жестокими лишениями, изнурены работой непосильной. С лица не спали. Свежие. Благоухают. Как на курорте южном побывали, на тёплом море, будто оттуда только что вернулись – так загорели, это на нашем-то гиперборейском солнце. Пропеклись и зарумянились. Как сдоба. По домашнему уюту, с ванной, душем и чистой и мягкой постелью, любимым псам, котам или кошечкам всевозможной масти и породы, хомячкам или попугайчикам, по кофе с пышками в ближайшей к институту пышечной и по родительской заботе сильно, похоже, не соскучились – в глазах смешинка, ни слезинки. Так убедительно не притворишься. Да и зачем? И перед кем тут? Некому их пожалеть. Все в одинаковых условиях, без ущемлений и без привилегий.

Студенты – тоже благозвучно. Всё же не так.

Студентки. Ученицы.

Ну, словом, девушки.

Смотрю. Без учащённого сердцебиения, но с интересом: не археологи они и не историки, а архитекторы-строители – как иностранки. Для меня. И мы для них, наверное, чуть-чуть...

Вроде как не в себе немного мы, со странностями или сдвигом.

Но что для них «чуть-чуть», для нас – нормально. И наши странности – вовсе не странности, не сдвиги, а лишь влияние профессии, её издержки.

Ладно.

Все как одна не замужем. Кто-то при мне у них об этом спрашивал. В непринуждённой обстановке. На раскопе. Надежда Викторовна – та, возможно. Жена начальника. А заодно и его постоянная спутница-напарница во всех экспедициях и разведках, вместе они – и я при них, как Санчо Панса, оруженосец, ближе к реальности, рюкзако- и палатконосец, – с июня по октябрь в «диком» поле. Пусть и не дипломированный археолог она по образованию, а историк СССР. Ей и не нужны археологические тонкости, хотя во многое из практики посвящена – который год уже «копает», височное кольцо с фибулой не спутает и даже тип определит. За «спутницей-напарницей» – организация экспедиционного быта, сытное прокормление членов экспедиции, контакты с местной властью и общественностью (начальник «нелюдим») и бухгалтерия (начальник «непрактичен»). Не от мира сего – про него же. С головой в ином – в железном веке, в котором он как в своём доме: знает, где что находится, где что припрятано, куда что нужно положить, где можно, долго не разыскивая, взять необходимое. Туда

и я вот погружаюсь, надеясь голову там навсегда не засадить и не оставить. Ну, как и душу. Дело, конечно, непростое. Затягивает. Пуще трясины. Так засосёт, что превратишься в мумию толлундскую. Вот вся и «странность», всё «чуть-чуть». Для «иностранок». Для нас – они немного постные. На первый взгляд, а на второй – пока мы к ним ещё не пригляделись толком, не успели за работой... Но что об этом.

В целях налаживания доверительных отношений в нашем собранном спонтанно на летний сезон коллективе. Может быть. Ну и никто ещё не отменял простое – женское, уточню, – естественное любопытство. Скорей всего, она, Надежда Викторовна, и спросила.

Точно не я. Мне всё равно, кто из них замужем, кто нет: не нахожусь в активном поиске невесты, хоть и не отшельник, не тороплюсь охомутаться, ещё успею – до тридцати ещё потопать. Ну а подруг весёлых, задушевных у меня и так в достатке, если не с перебором, – поговорить о том о сём – о женской доле, например, или мужском непостоянстве, – что-либо обсудить – прочитанную, скажем, книжку «запрещённого» писателя-эмигранта, – вместе в кино сходить, на вечеринку или на квартирник музыкальный заглянуть по чьей-то наводке, выставку «свободных» (то ли «свободных для», то ли «свободных от») художников посетить, пока её не «разогнали власти», наведаться ли вечером в промозглую погоду к одной из них, моих подружек, чашку-другую чаю выпить, с тем же ли самым у себя одну из них принять, а то и несколько – как соберутся. Сутками напролёт гранит науки не грызу, и на иное время

остаётся. Ум сточишь, грызть-то постоянно. Как у бобра зубы, заново не отрастёт.

Ну не всегда, признаюсь, удаётся оставаться в рамках. Есть такие риски в дружбе с девушками. Если ещё заметишь вдруг искрой мелькнувшее подобие – во взгляде, в жесте или в интонации, – напомнимшее Таню. Как только обнаружится иллюзия, манка-обманка распознается, риск устранён, дружба на веки спасена, не затянуло в омут чувств, и это ценно. Для меня.

Подобия не может просто быть – исключено. Ни в малом, полного – и вовсе. Связь ради связи мне не интересна. Не Казанова. И не Дон Хуан. Может – увы, а может – к счастью. Доблесть – одну любить и быть ей верным. Считаю так. Считать ли хочется. Считаю. Но если та одна, единственная, несравненная...

Здесь не об этом.

Так, по крайней мере, заявляют. Нет, не замужем, свободные, закабалить себя ещё не удосужились, мол. Во всяком случае, я ни у одной из них не замечал на пальце обручального или венчального кольца. Правда, и снять и положить его в карман несложно... Кто-то из девушек, возможно, и скрывает. Имеет право. Я иногда вот тоже вру – будто женат. Не с целью подло жертву обмануть, не оскверняю себя злостной ложью. По ситуации. Жена – французка – живёт в Париже. Временно. Жду не дождусь. Скоро нагрянет. В ближайшем будущем ли я туда уеду. Разлука долгая для брака – гибель. Когда «жена» испанка, то – в Мадриде. Стран в мире много, врать ещё да врать. Мягче скажу, речь всё же о себе, не врать, а балагурить. Язык без костей. Как у кого, не знаю, – у меня. Прикусывая, убежда-

юсь – без каркаса. Совесть не мучает – никто ж при этом не страдает. Никто не верит мне – поэтому. Я же не популярный, страстный бард, без перерыва и без усталости не «набираю вечное ноль семь». Без обязательств. Поболтали – разошлись. Ну, иногда и правду говорю. По ситуации опять же.

Дед Рыжего, Чеславлева Володьки, моего друга детства, Иван Захарович Чеславлев, глянув на них, студенток наших, бегло, но дальноторко, трубкой попыхивая шумно или настойчиво её, уже угасшую, посасывая в тщетной попытке оживить, определил бы без раздумий:

«В самом прыску».

И всем понятно. Будто он «здравствуйте» сказал.

Не только дед Иван, и много кто другой в Ялани. К примеру, мой отец. Без оханья и аханья, без цоканья и без причмокивания. Как об обычном, заурядном. О прошмыгнувшей мимо по своим делам собаке. О наплывшем облаке на солнце. О прогретом только что и надымившем в поднебесье самолёте. О сенокосе. О погоде. Так же. Невозмутимо, беспристрастно.

Это они, отец и дед Иван, ну и другие их ровесники в Ялани – по перезрелости. Я, может, менее спокоен – тоже по возрасту. Но...

«Первым делом, первым делом самолёты, ну а девушки, а девушки потом».

Археология, конечно, не такая помеха, как самолёты. И...

Нежный образ в душе ты лелеешь,
Хочешь сердце навеки отдать...

Ох, не туда куда-то понесло.

Илья мурлычет эту песенку. Под настроение. Юбку увидел – вот и настроение – не пропускает, ни короткую, ни длинную, всякого цвета и фасона. Хотя в любимых у него другая песня. July Morning. Uriah Heep. There I was on a July morning Looking for love... Эту безостановочно, будто прилипла к языку, не отлипает. Даже когда играет в карты или в шахматы, щуря глаза от дыма сигареты. Курит «ВТ» или «Родопи». Marlboro, где-то же достаёт, или Camel – со стипендии. Мой однокурсник. Со средних веков. Так только барышням и представляется: «Илья – по имени, по специальности – медиевист». Действует. Глаз после от него не отрывают барышни, слушают его, «медиевиста», байки, рот раскрыв. Про Меровингов, Каролингов. Перемешав исторические личности с легендарными, приплетет и Нибелунгов. И Марию Французскую. И короля Артура с его рыцарями. И Тристана и Изольду. Всех до кучи. Умеет. Из современной жизни у него историй и того больше. Как у дурака фантиков. «Фантик» на любую тему. О чём бы речь ни завели в компании. «Есть у меня один знакомый, а у знакомого – знакомый, вот он...» Или: «У моей приятельницы есть подружка, так вот она...» Неисчерпаемо. В друзьях детства у него Боря – в одном доме живут, возле «Горьковской», – сын одного из авторов этой песни. Про девушек и самолёты. И мне на ум сразу пришла – часто уж очень её слышу. От Ильи. От начала до конца не исполню. Память полностью не держит. Стало для меня обычно. Остарел, как мама в шутку бы сказала. Остарел, давно уже не мальчик. Либо начало, либо конец, из середины ли куплет. От любой песни. Одну только на зубок помню. «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла».

Словно вбито, вкручено ли, и с обратной стороны зашплинтовано – не выдрать. Раньше, до службы на ТОФе, всё в меня каким-то образом вмещалось, нужное и ненужное, как губка, впитывал. Чапушки разные. Знал их если не тысячу, то сотню. Им, «неприличным», здесь не место. После службы память моя сделалась избирательной, самоуправной. Солью морской её забило, что ли, – надыхался. Что-то нужное, как ни старайся, не заставишь вызубрить, а ненужное – пожалуйста. Вот зачем мне имя какого-то патриция софиста? Тиберий Клавдий Марк Аппий Атилиус Брадуа Регилл Аттик. Пробежал в какой-то книге взглядом – оп-п! – и каждой буквой зацепилось, как репей к штанине. Теперь живи с ним, с этим именем. В святцы вписывай. Или дата: 1 декабря 1135 года – не оставив после себя законного наследника, английский король Генрих I, по прозвищу Боклерк, четвёртый сын Вильгельма Завоевателя, отправился миногами. Зачем мне это в памяти держать? Своих забот мало? Перечислить, чтобы получить зачёт, находки с какой-нибудь палеолитической, мезолитической или неолитической стоянки – никак. Чопперы, чоппинги, рубила, остроконечники, скребки, отщепы, нуклеусы... галечные орудия труда. Камни и камни. Булыжники оббитые – мало ли где и как за миллионы лет их пошвыряло. Крупнее, мельче. Толще, тоньше. Овальнее, круглее. Мне это скучно. И человек ли делал их? Не обезьяна? Пусть и самая что ни на есть высокоразвитая.

Это уж так я, в пику некоторым чрезмерно заносчивым исследователям палеолита. Есть такие. Ну, такая.

К нашим баранам, в данном случае – овечкам.

Про студенток.

Слова такого мне не доводилось слышать здесь. Ни от кого. Ни в городе, ни в области. Скажу: в прыску, – не понимают. Мало того, ещё и посмеются: откуда, мол, такой свалился, с какого дерева упал?.. Больше не пользуюсь им в соответствующем разговоре. В цвету – слышал. Кровь с молоком – тоже. В прыску – нет. Хотя куда уж ярче и нагляднее, смачнее. Так мне, потомственному русскому сибиряку в неисчислимом поколении, по крайней мере, представляется. Простодушно, как отец или дед Иван, без оглядки теперь вслух не произношу, как и других, родных для меня и удобных для языка, «чалдонских» словечек вроде «чйкотно» вместо «щекóтно», и не «царапать», а «сарапать», «вся в щелках» вместо «в шелках», про ударение уж умолчу, – не совершенно, но слегка обтесался, по выражению моей сокурсницы, специалистки важной по «бульжникам» и «рафинированной городчанки», – но мысленно всё же отмечаю: та или та, дескать, в прыску – комплиментарно. Радистка Кэт вон... правда, она – когда рожала: «Мамочка! Господи!» – по-русски.

С языка убрать можно, из подсознания не вытравишь – об этом. От дерева, с которого упал, далеко за время жизни не уйдёшь.

Под сенью девушек в прыску.

Нормально.

Вглубь не вникаю, душу свою не пытаю, надобности нет, но уж то, что глаз радуют, как цветы, так это точно.

Смотрю, вон.

Девушки. Студентки.

«Студенточка. Вечерняя заря... Не помнишь ты, но помню я: с тревогою я ожидал тебя...»

Кто в джинсах, кто в шортах – те же джинсы, только с обрезанными штанинами, у одной по колено, у другой выше. В кедах, полукедах. На всех мужские рубашки, в клетку, разного окраса; навывпуск. К лицу девчонкам мужские рубашки, к фигуре ли, давно заметил, ещё в школе. Ну, понятно. Наоборот – нелепо. Если, конечно, не театр. Не маскарад. И не забавы ради. Даже противно – если не театр. Один такой у нас на факультете, с кафедры искусств, расхаживает, как глухарь на брачном току, вызывающе, в красном шарфе чуть не до полу. Да, с глухарём-то зря сравнил, ориентированным верно. Так, лишь по виду. Тени наводит вокруг глаз. Краси-и-ивый. До тошноты. Илья пластинками меняется с ним. Был бы, говорит, человек хороший, всё остальное ерунда. Смешно. Любить человека со всеми его немощами и извращениями – моё предназначение, старичок, релятивизм – моя методология, мол. Ладно. Люби ты кого угодно, полового извращенца, людоеда добродушного, только мне любовь к ним не навязывай. Смеётся. А пластинки-то, говорит, берёшь, переписываешь. Ну, соглашаюсь, беру, переписываю. Так будь последовательным, дескать. Постараюсь. Илья продвинутый. Я – «из тайги». Ещё есть одно у него для меня прозвище – «дремучий». Пусть их, думаю, всех на свой лад не переделаешь. И надо ли? И меня, чалдона упёртого, переиначить – пуд соли надо съесть, себя-то знаю. Плохо это или не плохо – не об этом.

Два курса закончили. Здесь – чертёжницами. Практиковались сначала в крепости, у Анатолия

Николаевича Черепичникова. Нужды в них там не осталось – всё, что требовалось, зачертили, да и экспедиция их, слышал, скоро будет сворачиваться. Теперь у нас, на городище. Мы тут до сентября. Полным составом. А малым – и половину сентября прихватим. Из года в год, так вот сложилось.

На что выменял их начальник нашей экспедиции, мой руководитель, Александр Евгеньевич Калинин, который «не от мира сего», полноправный представитель железного века, не знаю. Догадываюсь, конечно. Быть не от мира сего не значит, что в этом мире ты отказался абсолютно от всего. Не на портвейн и не на пиво, на что-то, думаю, дороже. Не на кого-то, это точно. Все наши остались на месте, в крепость не перебрались. В гости туда, конечно, ходим. Они – к нам. Соседи. А если очень захотелось вдруг и есть что выпить, то, без зоркого ока начальства, на нейтральной полосе, за крепостной стеной, с видом на Волхов. Романтично. До трепета.

Варяги тут когда-то так же вот, наверное, располагались, ни от кого, конечно, не таясь. Кто им указ, сами себе начальство были. Ну, и славяне. И остальные, кто обитал тогда на этой территории. Бражничали. Вволю.

Раскопали мы, вернее я, без чьей-то помощи, по молчаливому согласию Александра Евгеньевича, в отчёты это не вошло, рядом с основным раскопом, – всё и гадали, что же это за курганчики таинственные, соблазнительные, без каменной обкладки кольцевой, руки у меня давно на них чесались, день потратил, чтобы вскрыть их, – две древние мусорные, как оказалось, кучи, одна к другой почти

впритык, по два метра в диаметре, по метру в высоту, состоящие сплошь из жаберных крышек. Огромных. Осетровых. Я про закуску. Не нуждались. Ни славяне, ни варяги. Это у нас – конфетка, пряник, хлебная корочка или, удача сказочная, плавленный сырок; когда совсем нет ничего, рукав куртки, не гольшом же ходим, или свитера всегда в наличии – занюхал. На крышки жаберные облизнуться лишь. Даже у нас не видел я таких больших. Хочу с собой одну-две прихватить, чтобы в Ялани показать, на слово могут не поверить. Там думают, что крупные осетры живут только в Ислени, и ты попробуй их в другом уверить, без этих веских доказательств – не получится, все ж как Фома они – им бы «пошпупать», пальцем своим поковырять. И крышки вряд ли убедят... чалдонов. Попытаюсь. Две внутреннее отобрал, лежат пока под спальником, на раскладушке.

Какими ж были сами осетры? Ганоиды. Сетями их ловили, неводом, или зимой – из ям багрили, цепляли «кошками» ли? Хожу вот, думаю. Ого. Такого вытащить... «Не хватит нервов».

Не на блесну, конечно. На живца. На дно его, живца-пескарика, отправив с грузом. А то и лакомство – व्यюна или миногу. Схватит, проглотит – не утерпит.

Уже тащу...

Представил только, ноги затряслись; сердце захолонуло – якорь-тройник бы не сломался, леска не порвалась бы, выдержала. Страсть такая.

Моя беда – мои фантазии, и до инфаркта доведут. Пульс участился даже, чувствую. Больной. Лечиться надо. Мне, конечно, – не кому-то.

Азартный я. Как Парамоша.

Голос отца как будто слышу: «Зарный ты, парень, неуёмный».

Мама молчит. Поглядывает на меня с улыбкой грустной.

Что уж. Сами такого народили. Не просился.

Если уж рассуждать на эту тему, то мой азарт жить не мешает никому, разве что мне, я с этим разберусь.

Живут и с худшими пороками. Да и порок ли?..

Мне бы в то время порыбачить. Но современными снастями. Прошёлся бы сейчас – то есть в один из таких же вот погожих августовских дней конца восьмого или начала девятого столетия – по берегу Волхова с добротным спиннингом, с набором «уловистых» блёсен. У окуня и щуки самый жор. Готовятся к зимовке, жир нагуливают. Покидал бы, поблеснил бы. Счастью предела не было бы, представляю. Конкуренты, со своим дремучим примитивным снаряжением, мухомор в сторонке тихо курят – обзавидовались. Ну и, чуть не забыл, с калашниковым за спиной, конечно, с полным рожком и с запасным в кармане. На всякий случай. От варягов. Или от наших, от словен и кривичей. За своего вдруг не признали бы. Ребята были ещё те. И те, и эти. Не церемонились с чужими. И со своими, кстати, тоже. Сколько слоёв с пожарищами мы прорыли. В нижних – особенно. Не все ж они случались от самовозгорания, удара молнии или искры, кем-то по неосторожности зароненной. Ну, ясно. Племя на племя, язык на язык. Норманны, фряги, русы, финны, фризы... Лиги или Организации Объединённых Наций не было. Воевать или мириться,

сами определялись, без принуждения Совета Безопасности.

Решил, достаточно дробовика. В небо шарахнул бы из двух стволов, дуплетом, ну и варягов-викингов отважных с берега как ветром бы снесло. Хожу спокойно и рыбачу себе дальше.

В руках не спиннинг и не удочка, а – нож и кисточка. Рядом носилки и совок. Уже привычно.

Хазар забыл, на торжищах словен... И тех бы, с луками их, сдуло. А заодно б живой товар освободил, не выкупая, своих сородичей пленённых, и среди них, возможно, девушек зеленоглазых с пегими...

Увлёкся что-то.

Лечиться надо, говорил же.

Пока вот семь. Всего их восемь. Чертёжниц наших. Одна из них, Наташа, с Надеждой Викторовной уехала не то в Волхов, не то в Новую Ладугу – на какой автобус сесть успели, в ту или в другую сторону, не знаю, какой автобус первым подошёл – туда. «За сладостями». Каких здесь, в Старой Ладоге, не купишь. К праздничному столу. Или застолью.

Дед Рыжего, Иван Захарович, как говорил? «Начинаем застольем, кончаем подстольем, а кто и подпольем». Это не про нас. Чашнику да бражнику праздник не страшен, и нам вот тоже, археологам. А как насчёт других – проверим.

Все ничего. Как на подбор. В ЛГУ, на нашем факультете, про остальные не скажу, днём с огнём таких приглядных (словцо яланское невольно выскочило) не отыщешь. Две-три, четыре, может быть, и те не на дневном, а на вечернем отделении. Видел. Ходит симпатичная, и та татарочка, похоже. Царица шамаханская. Хоть и не в моём вкусе. Илье

такие нравятся. Как только, удивляюсь, он её ещё не атаковал, не взял приступом... но доберётся, как пить дать, если другой кто не опередит. «Искусствоведка». У нас они какие-то чуть-чуть подсушенные. Вслух не скажу, подумаю: вот не в прыску... ну хоть ты тресни. Или – в чужом огороде морковка сочнее, хрен острее... Я не знаю.

Одна – не просто ничего, а даже очень. Очень ничего. Я – объективно, отстранённо. Она и старшая из них. Людмила. Фамилию тут никто ни у кого не спрашивает. Не милиция, не ЗАГС. Люди не подневольные. По именам. Достаточно. Родом Людмила из Риги. Русская, не латышка. Родителей её – при мне она Надежде Викторовне доложила – после окончания какого-то технического вуза не то в Львове, не то в Тернополе, не уловил, на Украине где-то Западной, туда направили. В Прибалтику. Выходит, прижились. Будущий инженер-строитель или архитектор, не уточнял. Хочет остаться в Ленинграде. Любым путём. В какой-нибудь проектный институт, скорей всего, устроится, после того как защитит диплом. Так полагаю. Вряд ли на стройку, пусть и века. Как ей удастся это, как получится, в толк не возьму. Дело нелёгкое – распределение, прописка. Хотя с такой-то внешностью преграды не страшны – преодолет всякую, любая рухнет. Вроде и тихая. Как омут.

Но кто в тихом омуте водится, давно всем известно...

Не все только об этом помнят, не все это учитывают.

Проходишь мимо, слышишь, как искрит. Как при коротком замыкании. При оголённых прово-

дах. Знакомо. В прямом смысле и в переносном. Тут и подумаешь: надо ей предложить табличку на груди повесить: «Не влезай!.. А то убьёт». Не обидится. Я оказаться рядом не боюсь – не из трусливого десятка. Ударит током, ну – ударит. Вряд ли дотла испепелит. Меня уж точно нет: я горьким опытом научен – обжигался. Другие сами о себе пусть беспокоятся – не опекун им.

Частицу «да» употребляет в своей речи неумеренно. Ладно, где надо, но и где, считаю я, не обязательно. Не в знак согласия на что-то, с чем-то или с собеседником, а вроде как с самой собой, будто от неуверенности в том, что только что сказала. Я сейчас сделаю то или то, мол, да. Не нашлось у меня тогда при себе двухкопеечной монеты, чтобы позвонить кому-то, дескать, да. Я пошла, да. Я пришла, да. Сорное слово, ненужный, на мой слух, довесок к не особому и утверждению. Пошла, пришла, и без довесков всяких видно. Сама себе как будто сообщает.

Все так рижане любят «да» или её особенность, Людмилы? Ладно. Более странно было бы, если б она везде вставляла «нет». Только представьте.

Но ради справедливости скажу: «да» у Людмилы звучит мило. Трогает. Что-то в тебе на это отзывается, как на родное. И голос бархатный – приятно. На голос, может быть, и откликается... Ну, я не знаю. Не сексолог.

Года двадцать два ей, двадцать три. «Старуха». В каком-то техникуме, в Риге, задержалась, прежде чем приехать в Ленинград и поступить в ЛИСИ. Где это заведение находится, мне известно, мимо проходил, да и не раз, а внутри не был. И вряд ли когда буду. Но не об этом.

Волосы у Людмилы – как у Тани. Прядь светлая – как солома, прядь темнее – как пакля. Не крашенные, как конус-ветроуказатель, специально. Тут уж мне стало интересно, грешен, спрашивал. Свои, говорит.

Свидетельствую – бывает.

Мелирование – так вроде называется. Тут – натуральные, природа. У Людмилы. Как и у Тани.

От мамы, мол, достались, зачем-то добавила. «В неё». Пусть хоть от папы, что это меняет? И такие же густые. В остальном на Таню мало чем походит.

Совсем не смахивает. Зачем сравнил, и сам не знаю. Таня и «да» не повторяет сотни раз. «Нет» от неё услышать чаще можно. Было.

«Стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой...»

Таня теперь как мерка, получается. Пробирный камень. Внутри где-то. Глубоко. Может, под сердцем. Может – под мышкой у души. Не в голове – оттуда проще было бы извлечь – давно извлёк бы. Мешает?.. Ещё как. Осознаю. И при общении, и при оценке. Пытаюсь, как-нибудь добравшись, выковырять этот камень преткновения и выбросить его подальше от себя. Пока вот не справляюсь.

И не хочу, но почему-то сравнивается. Непроизвольно. Поработать надо над собой. А то расслабился. Душевно. Чернышевского надо перечитать. «Особенный человек». Не помешает.

В прошлом году тоже были студенты. Практику проходили. Месяца полтора у нас трудились-загорали вместо курорта-санатория, о чём, по отзывам, не пожалели. На этом же раскопе. Но на другом, конечно, ярусе, более позднем. Обитали мы в прошлом

сезоне не тут, где нынче располагаемся, а на другой стороне Волхова, в двухэтажном деревянном доме. В Чернавине. На лодке плавали туда-обратно, с берега на берег. Историки. Не с нашей кафедры, не из ЛГУ. Из педагогического, Герцена. Три парня, пять девушек. Отличные ребята. Дружные, весёлые. Гитара, песни, анекдоты. Молодцы. Перед тем как расстаться, во время отъездной, едва сдерживая пеленающую глаз слезу, поменялись для связи координатами. Ни с кем из них за весь последующий год, и по сей день, так я и не созвонился, ни с кем не встретился. Даже случайно, на улице или в метро. Линованный листок бумаги, вырванный из моего «писательского» блокнота – записную книжку я так и не удосужился завести, – с их адресами или номерами домашних телефонов, у кого они были, потерялся.

Не судьба.

Там тоже была одна – Светлана...

Тут о другом. Не о Светлане.

Это – Серёга. Абитуриент. Объявление о нашей экспедиции на факультете прочитал, вот и приехал.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА